

тигаль в этом вопросе расходится с С. П. Обнорским, допускающим, что в оригинале «Слова» были уже известны случаи употребления «и» после «г», «к», «х», и считающим, что написания «Киев» и «Хинова» отражали живое произношение. По нашему мнению, строгое употребление «ы» во всех этих случаях ведет опять к чрезмерной архаизации, т. е. болгаризации, текста, ибо весьма возможно, что преобладание написаний с «ы» в тексте XVI в. является следствием новой болгаризованной орфографии.¹²

5. Проф. Нахтигаль решительно изгоняет неполногласные формы и заменяет их полногласными;¹³ нам кажется, что вопрос не так прост, и для этого сравним язык «Слова» с языком летописей и былин.

Древнейшие летописи сохранились лишь в списках XIV—XV вв. (Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский нач. XV в.). Однако эти списки довольно правильно сохраняют старое правописание, ибо относятся к эпохе до «второго южнославянского влияния». Именно в этих списках мы найдем прихотливое чередование форм «град»/«город», «злато»/«золото» и сходных с ними. Начальная летопись пишет «Царьград», но «Новгород», Рюрик раздает «грады», но Олег ставит «городы»; Киев сперва «градоук», затем «мати градом руским», еще позже «старейший град в земли во всей» (1096 г.); Торческ и Чернигов — «грады» (1093 г.), а Святополчъ — «город» (1095 г.). В Киевской летописи XII в. (Ипатьевской) преобладает форма «город», но в Галицко-Волынской — «град» («во граде Кыеве» — 1205 г., «град» Перемышль — 1208 г., «град» и «гражаны» в Галиче — 1219 г., «град» Холм — 1223 г. и т. д.). Такое разнообразие написаний убеждает нас, что по ним вовсе не проходила рука позднейшего корректора.

Еще знаменательнее язык былин, свободных от церковного влияния и сохранивших много старинных оборотов. Они говорят «Киев-град», «стольный Киев-град», но «ко городу ко Киеву», «во городе во Кыеве», «во Новгород», но «во Нове-граде». Мы полагаем, что эти чередования объясняются требованиями ритма и гармонии гласных. «Стольный Киев-град» дает ясное дактилическое окончание стиха, как и «во Нове-граде», тогда как «во городе во», «ко городу ко» дает звуковой упор на «о».

Такое же чередование представляют «злато»/«золото» с их производными. В Повести временных лет семь раз встречается «злато и паволоки», семь раз «злато и серебро»; видно, что это устоявшаяся формула. Наряду с этим «да будем золоти яко золото» (дактиль, под 971 г.). Требование ритма особенно заметно в Галицко-Волынской летописи под 1252 г.: «седло от злата жьжена... и сабля златом украшена, кожую... круживы златыми... и сапозы... шиты золотом». После трех неполногласных форм полногласная дает дактилическую концовку.

То же видим и в былинах: в них часто поется о «золоте», особенно в конце строк (дактиль), но найдем и формулу «злато и серебро» (Рыбников, №№ 181 и 196) и эпитеты «злачен перстень» (Рыбников, №№ 8, 193, 195), «ключи злаченые» (Рыбников, № 154) и особенно «терема златоверхие» (Рыбников, №№ 144 и 146; Гильфердинг, №№ 13 и 199) и «златоверховатые» (Рыбников, №№ 193 и 197). Такое же колебание, объясняемое отчасти ритмом, найдем в былинах между формами «молодец» и «младенчик», «молодой» и «млад Соловей Будимирович», «молода Забава Путятична» (Рыбников, № 149) и «млада Василиста» (Рыбников, № 171). Наконец, и приставка «пре» вовсе не

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 146.

¹³ Все же он делает исключение для таких церковно-славянских слов, как «власть», «страны» и «здрави», оставляя их в неполногласной форме.